

Librarium

ЖАН БОДРИЙЯР

СОВЕРШЕННОЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЕ

ЗАГОВОР ИСКУССТВА

РИПОЛ КЛАССИК

Librarium

Жан Бодрийяр

**Совершенное преступление.
Заговор искусства**

«РИПОЛ Классик»

1995

УДК 122/129
ББК 87.3

Бодрийяр Ж.

Совершенное преступление. Заговор искусства / Ж. Бодрийяр —
«РИПОЛ Классик», 1995 — (Librarium)

ISBN 978-5-38-614452-4

Два сборника статей «Совершенное преступление» и «Заговор искусства» философа Жана Бодрийяра в переводах А. В. Качалова. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 122/129
ББК 87.3

ISBN 978-5-38-614452-4

© Бодрийяр Ж., 1995
© РИПОЛ Классик, 1995

Содержание

Совершенное преступление	6
Введение	6
Совершенное преступление[8]	8
Фантом воли	13
Радикальная иллюзия	18
Генезис как обманка	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Жан Бодрийяр

Совершенное преступление.

Заговор искусства

Jean Baudrillard

Le Crime Parfait / Le Complot De L'art

© Editions Galilee 1995. Le crime parfait

© Sens & Tonka, editeurs. Le Complot de Fart

© Качалов А. В., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»,

2019

Совершенное преступление

Введение

*«Итак, мой друг, следуя примеру финикийцев, ты прокладывал свой путь по звездам?»
«Отнюдь, – отвечал Менипп¹. – Я путешествовал ради самих звезд».*

Учитывая накопленные доказательства, единственной достоверной гипотезой полагается реальность.

Учитывая накопленные доказательства об обратном, единственным ее решением является иллюзия².

Это история одного преступления – убийства реальности. И уничтожения иллюзии – жизненно важной иллюзии, радикальной иллюзии мира. Реальное не исчезает в иллюзии, это иллюзия исчезает в интегральной реальности.

Если это преступление было совершенным, эта книга также должна быть совершенной, потому что она претендует на реконструкцию преступления.

Увы, преступление никогда не бывает совершенным. И в этой черной книг³ об исчезновении реальности ни мотивы, ни виновников преступления не удалось установить, а труп самого реального так и не был обнаружен.

Что же касается главной идеи этой книги, ее также невозможно определить. Ведь она была орудием преступления.

Хотя преступление никогда не бывает совершенным, совершенство, как это следует из самого названия⁴, всегда преступно. В совершенном преступлении само совершенство является преступлением, точно так же, как в транспарентности⁵ зла сама транспарентность является злом. Но совершенство всегда наказуемо: наказание совершенства – его воспроизведение [reproduction].

Есть ли какие-либо смягчающие обстоятельства в этом преступлении? Разумеется, нет, поскольку их всегда следует искать в мотивах или среди виновников. Однако это преступление без мотивации и без авторства, и поэтому остается совершенно необъяснимым. Вот в чем его истинное совершенство. Хотя, конечно, с концептуальной точки зрения это, скорее, отягчающее обстоятельство.

Следствиям этого преступления нет конца – именно потому, что нет ни убийцы, ни жертвы. Если бы был хотя бы один из этих двух, тайна преступления была бы однажды раскрыта, а следствие закрыто. Тайна, в конечном счете, заключается в том, что тот и другой перепутаны: «В конечном счете убийца⁶, и жертва – это одно и то же лицо. Мы сможем постичь единство [unity] рода людского, только если сможем постичь во всем ее ужасе истину этой конечной [ultime] эквивалентности» (Эрик Ганс⁷).

---

¹ Менипп Гадарский (2-я пол. III в. до н. э.) – философ-киник, известный сатирик. В своих произведениях Менипп широко использовал фантастические реалии (путешествия в подземное царство, полет на небо), посредством которых высмеивал своих противников и их философские школы.

² Игра слов: намек на условие и заключение теоремы.

³ Аллюзия с Черной книгой исчезнувших видов животных и растений.

⁴ Perfection от perficio – на латыни буквально «положить конец, прикончить».

⁵ Транспарентность (прозрачность, проницаемость) – отсутствие секретности, ясность, основанная на доступности информации; информационная прозрачность.

⁶ В оригинале на английском «prosecutor».

⁷ Эрик Ганс – американский литературовед, философ языка и культурный антрополог.

В конечном счете объект и субъект – это одно и то же. Мы сможем уловить сущность мира, только если мы сможем уловить во всей ее иронии истину этой радикальной эквивалентности.

Совершенное преступление⁸

Если бы не было кажимостей⁹, мир был бы совершенным преступлением, то есть преступлением без преступника, без жертвы и без мотивов. Преступлением, истина которого была бы навсегда скрыта, а тайна которого никогда не была бы раскрыта за отсутствием следов преступления.

Но преступление никогда не бывает совершенным именно потому, что мир выдает себя через кажимости, которые являются следами его несуществования [inexistence], следами континуитета¹⁰ ничто. Поскольку само ничто, континуитет ничто оставляет следы. И благодаря им мир выдает свою тайну. Именно так он позволяет себя почувствовать, одновременно ускользая за кажимостями.

Так же и художник всегда близок к совершенному преступлению, которое заключается в искусстве ничего не выражать. Но он отказывается от этого, и его произведение – след этого преступного несовершенства. Художник, по словам Мишо¹¹, – тот, кто из всех сил сопротивляется фундаментальному импульсу [pulsion] не оставлять следов.

Совершенство преступления заключается в том, что оно всегда уже совершено – *perfectum* [проделано]. Злодеяние, совершенное еще прежде, чем мир возник как таковой. А значит, это преступление никогда не будет раскрыто. Не будет никакого Судного дня, чтобы за него наказать или помиловать. Не будет конца, потому что все уже свершилось. Ни приговора, ни оправдания, но неотвратимое разворачивание последствий. Прецессия первоначального [originel] преступления¹² – возможно ли его смехотворное отражение усмотреть в нынешней прецессии симулякров? Тогда наша судьба – это завершение этого преступления, его неумолимое разворачивание, континуитет зла, континуация ничто. Мы никогда не переживем его первичную сцену¹³, но беспрестанно переживаем преследование [prosecution] и наказание за него. И этому нет конца, а последствия непредсказуемы.

Насколько первые секунды Большого взрыва непостижимы, настолько же первые мгновения первоначального преступления непоправимы. И это реликтовое преступление-окаменелость, так же, как реликтовое фоновое излучение, рассеянно по вселенной. И энергия этого преступления, так же как и энергия первоначального взрыва, будет распространяться повсюду, пока, в конечном счете, не исчерпает себя.

---

⁸ Совершенное преступление – в русском языке более употребимо понятие «идеальное преступление», однако весь текст Бодрийяра строится на обыгрывании слова «совершать» и всех его производных.

⁹ Кажимость (видимость) – то, что показывает себя, не скрывая сущность, а проявляя ее; также: поверхностное, неустойчивое, случайное проявление реальности. Бодрийяр не делает четкого различия между такими понятиями как «видимость», «кажимость» и даже «явление», обозначая все словом «appareance». Но в отличие от Сартра не снимает дуализм видимости и сущности («Видимость не скрывает сущность, она ее проявляет; она и есть самая сущность» («Бытие и ничто»)). «Apparence» у Бодрийяра ближе к «кажимости» Хайдеггера: «Сущее может казаться из себя самым разным образом, смотря по способу подхода к нему. Существует даже возможность, что сущее кажет себя как то, что оно в самом себе не есть. Показывая себя таким образом, сущее "выглядит так, словно..."». Такое казание себя мы называем кажимостью... Сущее не полностью потаено, но именно открыто, однако вместе с тем искажено; оно кажет себя – но в модусе кажимости». Однако Бодрийяр употребляет термин не только в философском смысле (то, что кажет себя), но и в обычном (то, что кажется, видится) в зависимости от контекста. Также у Бодрийяра этот термин приобретает дополнительный смысл – как своего рода положительная альтернатива симулякру.

¹⁰ Континуитет, континуация – непрерывность, последовательность, связность, преемственность, неразрывность, неизменность. Бодрийяр обыгрывает слова, однокоренные со словом «континуум».

¹¹ Мишо, Анри (1899–1984) – французский поэт и художник.

¹² Первоначальное преступление – аллюзия с первородным грехом.

¹³ Первичная сцена – по Фрейду, вспоминаемая или воображаемая сцена из детства, относящаяся к некоторому раннему сексуальному опыту, чаще всего о половом акте родителей. Бодрийяр использует это понятие в прямом смысле.

Таково мифическое виденье первоначального преступления, виденье искажения¹⁴ мира в игре соблазна и кажимостей и его окончательной [definitive] иллюзорности.

Это та форма, которую принимает тайна.

Раньше основным вопросом философии был «Почему скорее есть нечто, чем ничто?» [Лейбниц]. Сегодня главным вопросом оказывается «Почему скорее нет ничего, чем есть нечто?».

Отсутствие вещей в самих себе, то, что их нет, хотя они и кажутся присутствующими, то, что все исчезает за своей собственной кажимостью и поэтому никогда не бывает идентичным самому себе – вот в чем заключается материальная иллюзия мира. И, по сути, она остается большой загадкой, тайной, которая повергает нас в ужас и от которой мы защищаемся с помощью формальной иллюзии действительности¹⁵ [verite].

Во избежание этого ужаса мы должны разгадать [dechiffrer] мир и тем самым уничтожить материальную иллюзию. Мы не можем вынести ни пустоту, ни загадочность, ни чистую кажимость мира. Но почему мы должны расшифровать его, вместо того, чтобы позволить иллюзии как таковой сиять во всем своем блеске? Так вот, это тоже загадка, это неотъемлемая часть загадки – почему мы не можем вынести загадочность. А то, что мы не можем вынести иллюзию и чистую кажимость мира, является неотъемлемой частью мира. Если бы существовали абсолютная реальность и транспарентность, мы бы еще вероятнее не смогли их принять.

Действительность сама стремится обнажиться, предстать оголенной. Она отчаянно добивается наготы, как Мадонна в фильме, который сделал ее знаменитой¹⁶. Этот стриптиз без надежды [на обнажение] и есть стриптиз самой реальности, которая не раскрывает, а «укрывает» себя в буквальном смысле, предлагая взору наивных зрителей [voyeurs] лишь кажимость наготы. Но именно эта нагота обволакивает ее словно второй кожей¹⁷, которая больше не имеет даже эротической привлекательности одежды. Она больше не нуждается даже в холостяках, которые бы ее раздевали¹⁸ [Дюшан], потому что она сама отказалась от оптической иллюзии [trompe-l'oeil¹⁹] в пользу стриптиза.

Впрочем, главный недостаток реальности – это свойственная ей безоговорочная капитуляция перед всеми гипотезами, которые возможно выдвинуть насчет нее. Своим жалким конформизмом она обескураживает даже самые светлые головы. Можно подвергнуть ее и ее принцип (впрочем, чем они занимаются вместе, если не совокупляются и не порождают бесчисленные очевидности?) самому жестокому оскорблению, самой обценной²⁰ провокации, самой парадоксальной инсинуации – она подчинится всему с неизбежной покорностью. Реальность – это сука. Впрочем, чему здесь удивляться, коль скоро она – плод от блуда глупости

¹⁴ Altération – «искажение» у Бодрийяра не всегда имеет отрицательный опенок, иногда просто «изменение», «становление другим».

¹⁵ Стоит заметить, что для обозначения реальности Бодрийяр использует три разных слова. Словом «realite» (собственно «реальность»), он обозначает реальность как представление о ней, так называемую «объективную реальность», и обычно это слово имеет отрицательную коннотацию. Слово «reel» («реальное») в более ранних работах он использовал в основном с положительной коннотацией, как противопоставление «реальности», в поздних работах это слово имеет преимущественно уже нейтральную, а иногда и отрицательную коннотацию. А словом «verite» он обозначает «реальное положение дел», «реальность как она есть», «действительность», «достоверность», «подлинность», «истинную, настоящую реальность» и это слово имеет в основном положительную коннотацию. Чтобы подчеркнуть различие, «verite» мы будем обозначать как «действительность».

¹⁶ Имеется в виду фильм «В постели с Мадонной» (1991).

¹⁷ Намек на знаменитые кожаные костюмы Мадонны, надеваемые на голое тело.

¹⁸ Имеется в виду картина Дюшана «Невеста, раздетая своими холостяками, одна в двух лицах» (1915–1923).

¹⁹ Trompe-l'oeil – обман зрения, обманка, трюмплей – технический прием в искусстве, целью которого является создание оптической иллюзии того, что изображенный объект находится в трехмерном пространстве, в то время как в действительности он нарисован в двухмерной плоскости.

²⁰ Обценный, обценность – в текстах Бодрийяра это слово означает не только «непристойный» или «неприличный»: он обыгрывает в этом термине еще и слово «сцена», то есть «отсутствие сцены», «неуместность», «неприценность».

с духом расчета [Вебер], выкидыш сакральной иллюзии, брошенный на растерзание шакалам от науки?

Чтобы отыскать след ничто, незавершенности, несовершенства преступления, необходимо, следовательно, устранить реальность мира. Чтобы отыскать констелляцию тайны²¹, необходимо устранить нагромождение реальности и языка. Необходимо устранять одно за другим слова из языка, устранять одну за другой вещи из реальности, отдирать то же самое от того же самого. Необходимо, чтобы за каждым фрагментом реальности исчезало нечто, чтобы обеспечить континуитет ничто, не поддаваясь при этом соблазну полного уничтожения, потому что исчезновение должно продолжать существовать [vivante], чтобы продолжали существовать следы преступления.

Именно об этом мы забыли в современности: то, что именно вычитание придает силу; то, что отсутствие [absence] порождает власть [puissance]. Мы же, напротив, не прекращаем накапливать, прибавлять, поднимать ставки. А поскольку мы больше не способны выдержать символическое господство [maîtrise] отсутствия, отныне мы все погружены в обратную [inverse] иллюзию, в иллюзию разочарования преизбытком, в современную иллюзию пролиферации экранов и образов.

Образ больше не может вообразить реальное, поскольку он сам стал реальным, не может ее превзойти, преобразовать, увидеть в мечтах, потому что сам стал виртуальной реальностью. В виртуальной реальности вещи как будто проглатывают свои зеркала, они становятся транспарентными для самих себя, полностью присутствующие [présentes] в самих себе, в свете софитов, в режиме реального времени, в безжалостной транскрипции. Вместо того, чтобы отсутствовать в себе благодаря иллюзии, они вынуждены регистрироваться на тысячах экранов, с горизонта которых исчезло не только реальное, но и само изображение [образ]. Реальность была изгнана из реальности. Быть может, лишь технология остается той единственной силой, которая все еще связывает разрозненные фрагменты реальности, но куда же делась констелляция смысла?

Единственная неопределенность [suspense], которая остается, – это узнать, насколько мир может дереализоваться, прежде чем погибнуть от недостатка реальности, или наоборот, насколько он может гиперреализоваться, прежде чем погибнуть от избытка реальности (то есть когда, став совершенно реальным, став более реальным, чем реальное, он падет под ударом тотальной симуляции).

Однако нет уверенности в том, что констелляция тайны разрушается транспарентностью виртуальной вселенной, или в том, что сила иллюзии сметена технологической операциональностью мира. За всеми технологиями ощущаются своего рода абсолютная наигранность [affectation] и двойная игра: их собственная чрезмерность делает ставку на транспарацию²² мира, скрытую за иллюзией его трансформации. Является ли технология убийственной альтернативой иллюзии мира, или она просто необычайный аватар той же самой фундаментальной иллюзии, ее финальная и изощренная перипетия, последняя ипостась?

Возможно, с помощью технологий мир играет с нами, как объект, который соблазняет нас, давая нам иллюзию власти над ним. Ошеломительная гипотеза: рациональность, достигающая высшей точки в технологической виртуальности, могла бы быть последней уловкой иррационального [irraison], той воли к иллюзии, для которой, согласно Ницше, воля к истине является всего лишь окольным путем и превратностью.

На горизонте симуляции не только исчезает реальный мир, но сам вопрос о его существовании уже не имеет смысла. Но возможно, это – уловка самого мира. Византийские иконо-

---

²¹ См. М. Хайдеггер. Вопрос о технике: «Вглядевшись в двусмысленное существо техники, мы увидим эту констелляцию, звездный ход тайны».

²² Транспарация – сквозное просвечивание, полная проницаемость, истончение вплоть до исчезновения.

поклонники были очень изощренными людьми, которые претендовали на то, что изображают [représenter] Бога к его вящей славе, но которые, симулируя Бога в образах, на самом деле диссимилировали тем самым проблему Его существования. За каждым из этих образов Бог, по сути, исчезал. Он не умер, Он исчез. То есть, проблемы уже больше не было, так как сама эта проблема более не ставилась. Она была решена с помощью симуляции. Таким же образом и мы поступаем с проблемой истинности или реальности этого мира: мы решаем ее с помощью технологической симуляции и переизбытка образов, в которых нечего созерцать.

Но что, если это стратегия самого Бога: использовать образы, чтобы исчезнуть, подчиняясь импульсу [pulsion] не оставлять следов?

Тем самым, сбывается пророчество: мы живем в мире симуляции, в мире, где наивысшая функция знака заключается в том, чтобы заставить реальность исчезнуть и одновременно скрыть это исчезновение. Этим же занимается отныне искусство. Этим же занимаются отныне медиа. Вот почему они обречены на одну и ту же судьбу.

Поскольку ничто не хочет, чтобы его созерцали, а хочет лишь визуально поглощаться [absorbé] и циркулировать, не оставляя следов, намечая в определенном смысле упрощенную эстетическую форму невозможного обмена, сегодня все труднее уловить кажимости. Так что дискурс, который мог бы лучше всего объяснить это, был бы дискурсом, в котором не о чем говорить. Эквивалент мира, в котором нечего созерцать. Эквивалент чистого объекта, который не является таковым. Гармоничная эквивалентность ничего ни с чем, Зла со Злом. Но объект, который не является таковым, постоянно преследует нас своим отсутствующим и нематериальным присутствием. Вся проблема заключается в том, чтобы на грани ничто обозначить [matérialiser] это ничто, на грани пустоты начертать невидимый знак [filigrane] пустоты, на грани безразличия сыграть по таинственным правилам безразличия.

Идентификация мира бесполезна. Вещи нужно улавливать спящими или при любых других обстоятельствах, когда они отсутствуют сами в себе. Как в «Спящих красавицах» Ясунари Кавабаты, где старики проводят ночь возле спящих женщин, безумно желая, но даже не касаясь их, и незаметно скрываются еще до их пробуждения. Они также находятся рядом с объектом, который не является таковым, и полное безразличие которого обостряет эротическое чувство. Но самое загадочное заключается в том, что невозможно понять, действительно ли женщины спят или же коварно получают удовольствие из глубины своего сна, своего соблазна и собственного отрешенного [en suspens] желания.

Нечувствительность к такому уровню ирреальности и наигранности, коварству и ироническому духу языка и мира означает, по сути, неспособность существовать. Понимание [intelligence] – это не что иное, как предощущение [pressentiment] вселенской иллюзии даже в любовной страсти, не нарушающее при этом ее естественного хода [mouvement]. Есть нечто большее [fort], чем страсть, – иллюзия. Есть нечто большее, чем секс или счастье, – страсть иллюзии.

Идентификация мира бесполезна. Мы не можем идентифицировать даже собственное лицо, поскольку его симметричность искажает зеркало. Видеть его таким, как оно есть, было бы безумием, поскольку у нас не осталось бы больше никакой тайны для самих себя, и таким образом мы были бы стерты транспарентностью. Не эволюционировал ли человек в такой вид, когда его лицо остается невидимым [invisible] и когда становятся окончательно неузнаваемыми не только тайна его лица, но и любое из его желаний? Но то же самое происходит с любым объектом, который достигает нас лишь в окончательно искаженном виде, как на экранах измерительных приборов, как в зеркалах информации²³, так и с мониторов вычислительных устройств²⁴.

²³ Слово «информация» во французском языке имеет более широкий смысл, чем в русском, обозначая как то, что связано с информационными технологиями, так и последние известия, информационные сообщения в СМИ.

²⁴ Игра слов: дословно «на экранах наших мозгов».

Таким образом, все вещи кажут себя без надежды стать чем-то иным, нежели иллюзией самих себя. И хорошо, что это так.

Хорошо, что объекты, которые кажут себя нам, всегда изначально уже исчезнувшие. Хорошо, что, как и звезды в ночном небе, нам ничто не кажется в реальном времени. Если бы скорость света была бесконечной, все звезды были бы в небе одновременно, а небосвод сиял бы невыносимо ярко. Хорошо, что ничто не происходит в реальном времени, иначе, благодаря информации, мы оказались бы в свете всех событий, и настоящее [présent] накалилось бы невыносимо жарко. Хорошо, что мы существуем в режиме [mode] витальной иллюзии, в режиме отсутствия [absence], ирреальности, не-непосредственности [non-immédiatete] вещей. Хорошо, что ничто ни мгновенно [instantané], ни одновременно [simultané], ни синхронно [contemporain]. Хорошо, что ничто не присутствует в себе [être présent] и не идентично самому себе. Хорошо, что все не происходит в реальности. Хорошо, что преступление никогда не бывает совершенным.

Фантом воли

Радикальная иллюзия – это иллюзия первоначального преступления, в результате которого мир искажается с самого начала и никогда не бывает идентичен самому себе, никогда не бывает реален. Мир существует лишь благодаря этой окончательной иллюзии, которая является иллюзией игры кажимостей – местом непрерывного исчезновения всякой сигнификации²⁵ и всякой финальности²⁶. Не только метафизически: на физическом уровне также с самого начала мир, чем бы он ни был, непрерывно появляется [apparaît] и исчезает [disparaît].

Искажение мира, который стремится к тому, чтобы раствориться [se résorber] в увеличивающейся информации, и который, в конечном итоге, превратится [se résoudre] в абсолютную информацию: эквивалентность мира миру – финальная иллюзия, иллюзия мира, полностью совершенного, завершённого, совершённого [perpétré], реализованного [consommé], достигшего высшей степени существования [existence] и реальности и одновременно, крайней степени свих возможностей. Именно Бог, не скрывая этого, находится в конце этого процесса увеличения и усложнения информации, верификации мира в реальном времени. Именно Бог осуществляет контроль за этим прекращением мира как иллюзии и его воскрешением в виде симулякра, в виде виртуальной реальности, в результате исчерпания реальным всех его возможностей. Именно Бог руководит безусловной реализацией²⁷ [réalisation] мира и его финальной иллюзии. Бог никогда не является в начале, но всегда ждет в конце. Стоит ли говорить, непременно несчастливом конце, так что лучше бы не присутствовать при этом.

То, что мир – иллюзия, следует из его радикального несовершенства. Если бы все было совершенно, мир не существовал бы вовсе, а если бы он сам случайно стал совершенным, он бы просто перестал существовать. В этом суть преступления: если оно совершенно, то не оставляет никаких следов²⁸. Следовательно, то, что уверяет нас в существовании мира, так это его несущественная [accidentel], преступная, несовершенная природа. Поэтому он может быть дан нам только как иллюзия.

Все, что проецируется вне этой иллюзии, вне этой несущественной [accidentelle] очевидности мира, которая навсегда отдаляет его от его смысла и первопричины [origine], является лишь оправдательным [justificatif] фантазмом. Ретропроекция причинности и призрачной ясности [intelligibilité] – особого порядка, который только подтверждает правило несущественного [accidentel] беспорядка и, несомненно, является лишь его же эпизодом.

Мы балансируем между иллюзией и действительностью, которые кажутся одинаково невыносимы. Но, быть может, действительность еще более невыносима, и не жаждем ли мы, в конечном счете, иллюзорности мира, даже если противостоям ей во всеоружии истины, науки и метафизики? Наша истина в силе²⁹ – силе нигилизма, но, согласно Ницше: «сама истина не может считаться высшим мерилем, а тем более – высшей властью [силой]. Воля к кажимости, к иллюзии, к заблуждению, к становлению и перемене (к объективному заблуждению) рассматривается здесь как более значительная, исконная, метафизическая, нежели воля к истине, к существованию, к действительности, а последняя – лишь форма воли к иллюзии»³⁰.

Как можно верить в истинность того, что не имеет ни первоначала [principe], ни конечной цели? Все, что мы можем к этому добавить, – это та небольшая [petite] финальная иллю-

---

²⁵ Сигнификация – создание и употребление знаков, придание им определенных значений и смыслов. У Бодрийяра часто просто «значимость».

²⁶ Финальность – законченность, окончательность, конечная цель. Противоположность бесконечности.

²⁷ Реализация – Бодрийяр употребляет слово в прямом смысле, то есть «становление реальным».

²⁸ Plus de traces – игра слов: «нет и в помине».

²⁹ Игра слов: «наша сила в правде».

³⁰ Немного измененная цитата из «Воли к власти» Ницше.

зия вместе с причинной иллюзией неакцидентального³¹ следствия, спасительная иллюзия против разрушительной иллюзии мира. Но это лишь искусственное дополнение. Наше сознание, с помощью которого мы стремимся превзойти мир, само является лишь побочным излишком, фантомной [о] конечностью мира, для которого эта симуляция сознания совершенно излишняя. Никакой акт нашей воли никогда не сравнится с акцидентальным вторжением мира.

Мы не можем привнести [projeter] в мир больше порядка или беспорядка, чем в нем уже есть. Мы не можем преобразовать его больше, чем он сам себя преобразовывает. Вот в чем слабость нашего исторического радикализма. Все проекты перемен, все революционные, нигилистические, футуристические утопии, вся эта поэтика субверсии и трансгрессии, столь характерная для модерности, выглядит наивной по сравнению с нестабильностью, естественной обратимостью мира. Не только нарушение, но и само разрушение вне нашей досягаемости. Никакой акт разрушения [с нашей стороны] никогда не сравнится с акцидентальным разрушением мира.

Все то, что мы могли бы усилить искусственным разрушением, уже вписано в непрерывную революцию мира, в ироническую траекторию частиц и в хаотическую турбулентность естественных систем. И финальная катастрофа [accident] в нашей компетенции не более, чем первоначальная катастрофа. Не стоит и мечтать об этом. Мы ничего не можем добавить³² к небытию [néant] мира, потому что мы являемся его частью. Но также мы ничего не можем добавить к его сигнификации, потому что у него нет смысла.

Избыток [excès] принадлежит миру, а не нам. Именно мир чрезмерен, именно мир полновластен [souverain].

Вот что удерживает нас от иллюзии воли, которая также является иллюзией веры и желания. От метафизической иллюзии того, что существует нечто и мешает континуации ничто.

Наша воля словно ложная [nerveuse] беременность или искусственно иннервируемый [innervée] протез. Или словно «виртуальные» фантомные боли конечности, которые появляются после ампутации реальной конечности (так и вся виртуальная реальность появляется в результате хирургического удаления реального мира). Воля – явление того же порядка. Ее экстраполяция на события в мире – это лишь экстраполяция желания или фантомной боли ампутированной конечности. Сны также дают нам иллюзию контроля над тем, что в них происходит, или что мы можем в любой момент все прекратить. Они даже дают нам иллюзию осознания того, что мы видим сон [осознанное сновидение], и это является частью их механизма. Это клинамен³³ воли, который взаимодействует с хромосомами сна.

Точно так же, как в сновидениях, воля должна следовать за этим акцидентальным отклонением мира – склонять [на свою сторону infléchir], а не отражать [волю refléchir]. Самой стать лишь неожиданной последовательностью, которая продолжает [perpétue] события в мире и, возможно, ускоряет [précipite] их ход. Ни в чем не отличаться от желания.

У Набокова, в изящном мире «Ады», так же, как и в трагическом универсуме, все неразрешимо. Все соткано из случаев [accidents], несчастных или счастливых. Нет ни греха, ни раскаяния. Все имморально и при этом так чувственно. Не только тела, но и сама воля становится чувственной и акцидентальной. Действующие лица не верят в свое собственное существование и не берут на себя ответственность за него. Они ограничиваются тем, что отклоняются от своего желания и воли, не нарушают их загадочное воздействие, соблюдая при этом по отношению к существованию определенные правила игры, первое из которых состоит в том, чтобы не соглашаться [на существование].

³¹ Акцидентальный – случайный, несущественный, второстепенный.

³² Игра слов: «мы не можем добавить ничто».

³³ Клинамен – отклонение, сдвиг, уклон, термин из поэмы Лукреция «О природе вещей».

Существование – это то, на что не требуется согласие. Оно было дано нам в качестве утешительного приза, и оно не нуждается в вере. Воля – это то, на что не требуется согласие. Она была дана нам как иллюзия автономии субъекта [Кант]. Однако если и есть что-то хуже, чем подчиняться закону других, так это как раз подчиняться своему собственному закону. Реальность – это то, на что не требуется согласие. Она была дана нам как симулякр, и самое худшее – верить в нее за неимением лучшего³⁴. Есть лишь одно правило, которое требует согласия. Однако это уже не правило субъекта, а правило игры этого мира.

Реальное – это лишь побочный плод³⁵ дезиллюзии³⁶. Оно само лишь побочная иллюзия. Из всех форм воображаемого, вера в реальность – самая низкая, самая тривиальная.

Тем не менее, решимость [détermination] расширяет свое влияние, и сфера того, что зависит от нашего решения, с каждым днем расширяется. Мы все больше несвободны от воли. Мы должны хотеть даже тогда, когда мы этого не хотим.

Впрочем, не стоит останавливаться на достигнутом. Не только родители, но и эмбрионы должны быть опрошены по поводу выбора своего пола. Тогда, по крайней мере, вскрылась бы абсурдность ситуации. Дело в том, что чаще всего мы находимся в такой ситуации, когда вынуждены решать [déterminer] то, о чем мы ничего не знаем и знать ничего не хотим. Право других распоряжаться вашей жизнью – это произвол. Но право и обязанность каждого распоряжаться самим собой еще более небезопасно. Таким образом добровольное рабство³⁷ превратилось в свою противоположность [contraire] – принуждение к желанию, принуждение к свободе и выбору, что является завершенной формой рабства. Воля оказывается в ловушке неограниченной свободы, которая ей дана, и она соглашается на это благодаря иллюзии самоопределения.

Однако то же самое происходит с волей и на уровне биологии. В нашем операциональном мире регуляция воли такая же алеаторная и произвольная, как и распределение полов при рождении, или как распределение свободно выраженного мнения миллионов граждан, что приводит к такому же статистическому результату, который мог бы быть получен и в ходе опроса среди обезьян.

Почему, несмотря ни на что, мы хотим заменить волей человека случайный ход вещей? Конечно же, из коварства и стремления нарушить естественный порядок. Мы хотим воли – вот в чем секрет – так же, как мы хотим веры, как мы хотим власти [pouvoir], потому что идея мира без воли, без веры и без власти для нас невыносима. Но обычно мы можем хотеть лишь то, что уже прошло. Так студент из Праги³⁸ прибывает на место дуэли, а его противник уже мертв – его двойник уже побывал [прошел] там. Прецессия двойника, невольного исполнителя желания. Прецессия события, прецессия следствия по отношению к причине – металепсия³⁹ воли.

Внимание всегда акцентируется на предшествовании воли, так же как на предшествовании причины по отношению к следствию. Однако чаще всего воля перепутывается с событием как его ретроспективная инсценировка [mise en scène], подобно тому, как последовательность эпизодов [séquence] сновидения иллюстрирует физические ощущения спящего тела. Во всяком случае, независимо от воли, последующие события все равно будут фатального порядка, то есть то, что с вами происходит, плохое или хорошее, происходит невольно – хотя и не без некоторой тайной взаимосвязанности.

---

³⁴ Игра слов: «в отсутствие чего-либо иного».

³⁵ *Enfant naturel* – внебрачный, побочный ребенок.

³⁶ Дезиллюзия – утрата иллюзий, разочарование.

³⁷ «Рассуждение о добровольном рабстве» – наиболее известная работа французского писателя и философа Этьена де Ла Боэси (1530–1563).

³⁸ «Студент из Праги» – один из первых фильмов ужасов 1913 года.

³⁹ Металепсия – в химии – реакция замещения без существенного изменения химических свойств; в лингвистике замена одного другим, которое выступает как эмблема заменяемого.

Почему же тогда мы должны хотеть? Почему мы должны желать? Просто потому, что мы не можем иначе. Своим желанием или своей волей мы должны внести свой вклад в завершение мира, в котором для них нет места. Это наш невольный вклад [contribution] в нашу собственную судьбу. Это побуждение [impulsion] настолько сильное, что, согласно Ницше, человек предпочтет желать ничто, нежели ничего не желать – тем самым, благодаря развертыванию беспредметной воли, становясь самым верным агентом той континуации ничто, которая является продолжением первоначального преступления.

«Почему скорее нет ничего, чем есть нечто?» В конечном счете, на этот вопрос нет ответа, поскольку ничто возникает из мифа, первоначального преступления, тогда как нечто возникает из того, что условно принято называть реальностью. Однако реальное никогда не является чем-то несомненным. И поэтому вопрос состоит не в том, каким образом возникает иллюзия, а в том, каким образом возникает реальное. Каким образом создается сам эффект реального? Вот в чем настоящая загадка. Если бы мир был реален, то каким образом он уже давно не стал рациональным? Если он лишь иллюзия, то каким образом мог возникнуть сам дискурс реального и рационального? И есть ли что-либо иное, кроме дискурса реального и рационального? Возможно, в сфере науки, самосознания и объективности никогда не было никакого прогресса, а все это было лишь дискурсом интеллектуалов и идеологов, которые за три последних столетия извлекали из этого заметную выгоду [profit]?

Та же проблема возникает и в сфере естественных наук. Как пишет Брюно Жароссон: «Первая реакция отцов-основателей квантовой физики на странные выводы, вытекающие из их уравнений (крах референциального мироздания: время, пространство, закон тождества, закон исключенного третьего, нераздельность и нелокальность частиц) заключалась в том, чтобы рассматривать микроскопический мир как крайне странный и таинственный. Однако подобная интерпретация не является самой логичной. Потому что микроскопический мир должен восприниматься так, как он есть. И если мы не можем вывести из него концепцию макроскопического мира, значит, тайна заключается в макроскопическом мире. С тех пор следует считать, что самым странным является не странность микроскопического мира, а не-странность макроскопического. Почему концепты тождества, исключенного третьего, времени и пространства вообще функционируют в макроскопическом мире? Вот то, что нужно объяснить» [*«От микро к макро – тайна очевидности»*].

С тех пор как референциальная вселенная стала невразумительной [inintelligible], разум, поскольку сам является ее частью, может ставить вопрос о своем собственном существовании лишь саму себе: каким образом может существовать измеримое время или разделение целого и элементов? Каким образом, учитывая принцип неопределенности, могут существовать объект и субъект науки?

Точно так же и реальное, становясь невразумительным, ставит перед разумом, который является его частью, неразрешимый вопрос: каким образом могут функционировать концепты реальности, объективности, истины, причинности, идентичности? Почему кажется, что скорее есть нечто, чем ничто?

Но на самом деле ничего нет.

Почему скорее есть воля, чем ее нет?

Но нет воли. Нет реального. Нет нечто. Нет ничего [есть ничто]. То есть вечная иллюзия неуловимого объекта и субъекта, который считает, что его можно уловить. Иллюзия Нечто и рациональной причинности – безусловно, утешительная для нашего рассудка, но совершенно немыслимая в любом другом мире, в том числе и в мире микрофизики. Как говорит Апдайк: «Бог несет полную ответственность за то, что мы можем увидеть и услышать, но ни в коем случае не за то, что происходит на микроскопическом уровне».

Таким образом, нет смысла пытаться примирить порядок мира и порядок воли с философской выгодой [bénéfice] для последней. Существует континуация такого мира, который

означает для нас нечто, и континуация такого мира, который в своей тайне является ничем и не означает ничего. То есть, строго говоря, не существует. Он не может быть верифицирован, он может лишь выдавать себя, просвечивать [transparaître] как зло, проглядывать через кажимости. Между этими двумя мирами [ordres] нет никакой диалектической связи. Они не имеют отношения [étranger] друг к другу.

Радикальная иллюзия

Итак, мир – это радикальная иллюзия. Это гипотеза, как и любая другая. Гипотеза, однако, совершенно невыносимая. И чтобы отвратить ее, необходимо реализовывать мир, придать ему силу реальности, заставить его существовать и означать любой ценой, лишить его всякой тайны, произвола, акцидентальности, избавить от кажимостей и извлечь из него смысл, лишить его всякого предопределения, чтобы довести его до конечной цели [fin] и максимальной эффективности, вырвать его из своей формы, чтобы заключить в формулу. Это колоссальная операция [entreprise] дезиллюзии – в буквальном смысле: умерщвление [mise à mort] иллюзии мира ради⁴⁰ [au profit] абсолютно реального мира – именно в этом, собственно, и заключается симуляция.

Следовательно, то, что противостоит симуляции, – это вовсе не реальное, которое является лишь ее частным случаем, это – иллюзия. И вовсе нет никакого кризиса реальности, совсем наоборот: реального становится все больше и больше, потому что оно производится и воспроизводится с помощью симуляции и потому что оно само по себе является лишь имитационной моделью [modèle de simulation]. Пролиферация реальности, подобная неограниченному распространению биологического вида, лишенного своих естественных хищников, – вот что является нашей настоящей катастрофой. Такова фатальная судьба объективного мира.

Необходимо вернуть всю силу и весь радикальный смысл иллюзии, которую часто сводят к уровню химеры, отвлекающей нас от действительности [vrai]: к уровню того, во что рядятся вещи, чтобы скрыть то, что они есть. В то время как иллюзия мира – это способ, которым вещи выдают себя за то, что они есть, тогда как их вообще нет. В своей кажимости вещи являются тем, за что они себя выдают. Они появляются и исчезают, без возможности чему-либо вообще проявляться [transparaître]. Они показывают себя, не заботясь ни о своей сущности, ни даже о своем существовании. Они дают знаки, но не дают возможность разгадать [déchiffrer] себя.

Тогда как в симуляции, в этой колоссальной системе [dispositif] смысла, расчета и эффективности, которая включает в себя все наши технологические ухищрения вплоть до нынешней виртуальной реальности, именно иллюзия знака теряется в пользу его операциональности. Счастливая неразличимость истинного и ложного, реального и нереального уступает место симулякру, который освящает злосчастную неразличимость истинного и ложного, реального и его знаков, злополучную, непременно несчастливую судьбу смысла в нашей культуре.

Мы продолжаем фабриковать [fabriquer] смысл, даже когда мы знаем, что его нет. Впрочем, остается неизвестным, является ли иллюзия смысла жизненно важной или же деструктивной иллюзией мира и самого субъекта? Как бы то ни было, сталкиваясь с этой стратегией субъекта, мир прибегает к гораздо более изощренной и парадоксальной стратегии, то есть выдает себя за то, что он есть, тогда как его вообще нет. Против субъекта, этого неудержимого производителя смысла, выступает мир, этот неисчерпаемый производитель иллюзий – в том числе, без сомнения, и иллюзии смысла, при невольном соучастии самого субъекта.

И нет конца этому безостановочному движению по ленте Мебиуса, когда поверхность смысла постоянно переходит в поверхность иллюзии – разве что иллюзия смысла возобладает окончательно, что положит конец миру.

Вся наша история является отражением работы такого устройства [appareillage] разума, который сам находится в процессе расстройств [désappareiller]. Наша культура смысла рушится под избытком смысла, культура реальности рушится под избытком реальности, культура информации рушится под избытком информации. Это совместное погребение знака и реальности под этими руинами.

---

⁴⁰ Игра слов: «убийство по заказу».

Мы пытаемся убедить себя в неизбежно благой конечной цели [finalité] технологии, придавая искусственной среде роль второй природы, отбирая лишь автоматические рефлексы в соответствии со своего рода ментальным генетическим кодом. Мы пытаемся избавиться от всякого сверхъестественного рефлекса мышления, от того, что инстинктивно реагирует на иллюзию мира, того, что обращает кажимость против реальности, использует иллюзию мира против самого мира – этого манихейского понимания зла, понимания мира как злоумышления [machination]. Считается, что естественное состояние⁴¹ немислимо, потому что в нем отсутствует мышление. Но это именно то, к чему мы стремимся: к состоянию чистого операционного понимания и, следовательно, радикальной дезиллюзии мышления.

Эта мечта искоренить всякую магию мысли, устранить всякий принцип зла столь же абсурдна, как и мечта устранить всякое вожеление даже во сне [rêve].

Если заблуждение [hérésie] кажимости – это наше первоначальное преступление, то всякое рациональное стремление его устранить является симптомом ужасного заблуждения [erreur] воли, заблуждения [aberration] желаний.

Как бы то ни было, иллюзия неистребима. Мир, такой как он есть – а вовсе не «реальный» мир, – постоянно ускользает от экспертизы смысла, провоцируя тем самым нынешнюю катастрофу производственного аппарата «реального» мира. До такой степени, что мы уже боремся с иллюзией не с помощью действительности [vérité] – что означало бы лишь усиление [redouble] иллюзии, – а с помощью еще большей иллюзии.

На фантазмагорию потусторонних миров [Ницше], последним [dernier] и самым изощренным из которых является искусственный синтез этого мира, можно ответить лишь высшей [supérieure] иллюзией нашего мира.

Всякая революция влечет за собой всеобщую инволюцию по своего рода нисходящей спирали. Преодолеть эту обратную [negative] спираль можно лишь ответным актом насилия, повышением ставки: перебивая ничтожность ничто, очевидность – кажимостью, фикцию – иллюзией, плохое [mal] – еще более плохим.

Радикальную иллюзию мира невозможно обуздать [réduire]. Иллюзия ее обуздания – это побочная иллюзия отрицания [denegation] и преобразования мира. Но быть может, следуя этой тенденции, доведенной до крайности, мы попадаем в свою собственную ловушку и, в конечном итоге, стираем свои собственные следы, оставляя место злоупотреблению, несовершенству, первоначальному преступлению? Быть может, это лишь уловка мира, наподобие уловки истории, и рациональность, совершенство в целом лишь воплощают в жизнь его иррациональное веление [décret]? В таком случае наука и технологии являются не чем иным, как невероятно ироничным обходным маневром [detour] на пути его исчезновения.

То, что на самом деле действительно [verite], – попадает под действие иллюзии. То, что на самом деле превышает действительность, поднимается на уровень высшей иллюзии. Только то, что превышает реальность, может превзойти иллюзию реальности.

---

⁴¹ Естественное состояние по Гоббсу – состояние общества до заключения общественного договора и образования государства.

Генезис как обманка

Согласно известному парадоксу Бертрана Рассела в его трактате «Анализ сознания» (*Analysis of Mind*, 1921), мир мог быть сотворен всего пять минут назад, но населен человечеством, которое «помнит» свое иллюзорное прошлое.

В этом отношении можно также вспомнить гипотезу Омфалоса английского натуралиста Филиппа Генри Госсе, изложенную в его книге «*Пуп Земли, попытка развязать генеалогический узел*» (*Omphalos, an attempt to untie the genealogical Knot*, 1857) и переосмысленную Стивеном Гулдом в его книге «*Улыбка фламинго*» (*The Flamingo's Smile*, 1985). Согласно этой гипотезе, все геологические и ископаемые следы генезиса и эволюции видов, в том числе человеческого, могли быть симулированы одновременно с сотворением мира Богом пять тысяч лет тому назад, как и указано в Библии.

Все то, что, как кажется, уходит еще дальше, в глубь времен, могло быть инсценировкой [mise en scène], предусмотренной Богом в своей добродетели, дабы наделить наш мир генезисом и историей, и могло быть призвано дать нам иллюзию течения времени. Бог даровал людям прошлое, дабы смягчить невыносимое противостояние с миром, таким как он есть, миром, созданным силой высшей воли. Мы даже не можем себе представить жестокость [brutalité] этого акта создания, но Бог, возможно, принял это во внимание и даровал нам в качестве компенсации симулякр истории, дабы сделать более сносным для человека его собственное существование. Конечно, можно задаться вопросом: действительно ли Бог сжалился над родом людским, или же это была просто дешевая шутка и он в очередной раз посмеялся над человеком, соблазнив запретным плодом знания о его собственном генезисе, тогда как все это было всего лишь миражом?

Как бы то ни было, пропозиция⁴² Госсе экстраординарна: чтобы подтвердить истинность библейского откровения, он делает из Бога злого духа симуляции. Нет ли в этом изощренного кощунства? Ведь Бог мог просто создать мир, не изобретая этот анаморфоз-обманку⁴³ [trompel'oeil]. Так что это могло быть лишь проявлением его злорадства. И это сразу становится весьма симпатичным, пусть и за счет будущих археологов, обрекаемых на вечную неопределенность. Ведь Госсе утверждает, что «эти слои и окаменелости, воплощенные Богом в камне в результате одномоментного действия [acte] *ex nihilo* [из ничего], столь же действительны, как если бы они возникли в результате реального течения времени». Если нереальное прошлое не менее действительно, чем наша объективная реальность, то она не более действительна, чем это нереальное прошлое. Воистину справедливы слова из Экклезиаста: «Симулякр – это вовсе не то, что скрывает собой истину, – это истина, скрывающая, что ее нет. Симулякр – это действительность [vérité]⁴⁴».

К счастью, все это ложное заключение, продиктованное слепой и нелогичной верой. Однако, если избавиться от религиозных предрассудков и оставить лишь гипотезу симуляции, мысль Госсе открывает удивительные горизонты и вполне серьезные возможности. Это даже похоже на пророчество, которое полным ходом осуществляется на наших глазах: все наше прошлое на самом деле постепенно перемещается в ископаемый окаменелый симулякр, а человек наследует злой дух искусственности [artifice], принадлежавшей Богу. Виртуальное воссоздание [reconstitution] генезиса рода людского является отныне делом самого человека, и оно принимает вид виртуальной реальности как нашего прошлого, так и будущего.

---

⁴² Пропозиция – суждение, предложение, предположение.

⁴³ Анаморфоз – в искусстве – вид оптической иллюзии, при котором инсталляция, скульптура или изображение на плоскости построены таким образом, что их полное зрительное восприятие возможно только с определенного ракурса.

⁴⁴ Эту фальшивую цитату из Экклезиаста Бодрийяр использует неоднократно, в частности как эпиграф к «Симулякрам и симуляции».

Мало того, что наши окаменелости каталогизируются, инвентаризируются, интерпретируются и реинтерпретируются в соответствии с новыми гипотезами и циклами научной моды, – все это выглядит как кинематографическая обработка (монтаж, кадрирование, освещение, секвенция, наплыв) гео– и археологического материала, объективная реальность которого становится все более неосязаемой. Эти ископаемые следы напоминают микрофизические частицы, которые существуют для нас лишь в виде следов, оставленных ими на наших экранах.

Нагромождение [accumulation] следов и противоречивых гипотез оставляет тот же самый привкус сомнения, относительной [relative] вероятности. Об объективности этих ископаемых следов не может быть и речи. Их статус реальности и, следовательно, доказательство проблематично, а их статус объектов внезапно оказывается недостоверным из-за самой точности их инвентаризации и методов анализа. Эти следы становятся гиперреальными, как и любой «предмет изучения», отслеживаемый вплоть до его мельчайших деталей: всякое «научное» исследование заканчивается истреблением своего реального объекта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.